Змеиное молоко

Автор:
Михаил Успенский

Змеиное молоко

Михаил Успенский

Продолжение знаменитого «Парня из преисподней» братьев Стругацких, написанное Михаилом Успенским специально для сборника «Время учеников» ещё в 1996-м. Увлеченные прогрессорством земляне забывают об осторожности. И вот однажды в БВИ исчезает вся информация о планете Гиганда. Бойцовый Кот Гаг оказывается полковником контрразведки Гигоном. На Гиганде происходит новый государственный переворот. Агенты Гиганды засылаются на Землю. Максим Каммерер и Корней Яшмаа планируют новую операцию, но им противостоит педантичная алайская контрразведка во главе с самим герцогом Алайским и многолетним опытом борьбы с иностранными шпионами…

Михаил Успенский

Змеиное молоко

От автора

Имена братьев Стругацких я услышал давным-давно – страшно сказать, в 1957 году. По радио анонсировали «Страну багровых туч», и книжку я, разумеется, добыл. Ну, тут все и началось. Из отцовской электробритвы я смастрячил модель вездехода «Мальчик», приделав с боков пару гаечных ключей и гусеницы от

игрушечного трактора. В дальнейшем творчество Стругацких я использовал с менее пагубными последствиями, то есть сам стал сочинять всякие межпланетные похождения. Каждая новая книга или публикация Стругацких становились событием, и я до сих пор прекрасно помню, где и при каких обстоятельствах приобрел ту или иную книгу – где приобрел, а где и замылил.

Думаю, излишне говорить о роли, которую сыграли братья Стругацкие в моей литературной судьбе. Но подражать не хотелось, поэтому пришлось с большим трудом искать собственный стиль. Но благодаря именно им я понял, что такое стиль вообще.

А сколько других авторов открыл я для себя благодаря им!

Если в тексте попадалась цитата, нужно было всенепременно выяснить, откуда именно она взялась. Только писателя Строгова я нигде не нашел, но сильно подозреваю, что Аркадий и Борис Натановичи зашифровали таким образом советского классика Георгия Мокеевича Маркова, у которого. как известно, есть роман «Строговы».

И первые претензии к Советской власти у меня возникли именно из-за того, что она прекратила одно время печатать Стругацких. Более существенные претензии появились позже.

Поэтому я охотно принял предложение участвовать в данном сборнике. Сначала собирался написать третью часть к «Понедельнику» и «Сказке», но потом подумал, что это было бы слишком легко и очевидно, вот и выбрал «Парня из преисподней», где, казалось бы, уже все точки расставлены. И попробовал поставить этого парня с ног на голову…

Михаил Успенский

Змеиное молоко

«Жаба хитра,

Но маленький хрущ с винтом

Много хитрей ее».

Барон Хираока

Глава первая

…И поднимаю я несчастную свою башку, и гляжу, куда этот старый хрыч в стеклах показывает, а там – отцы-драконы – висит на рояльной струне Бойцовый Кот в полном боевом. Язык почти до пояса вывалился, а глаза уже шипучие мухи повыели.

Знать я его, конечно, не знал, лычки-то первого курса. Когда его к нам в Школу взяли, я уже вовсю геройствовал в устье Арихады. Но чтобы здесь, в столице, кто-то на Кота осмелился руку поднять…

– Сами видите, молодой человек – гражданское население озверело, ловит солдат и устраивает самосуд. Так что вы вместо мундирчика наденьте что-нибудь другое, или хотя бы этот халат сверху накиньте…

– Ну уж нет, господин военврач, – говорю. – Форму с меня только с мертвого снимут. Гуманисты хреновы, демократы… Правительство национального доверия… Котенка удавили и радуются…

– Давайте ящики разгружать, – суетится мой доктор.

– Сейчас, господин военврач. Не торопите меня, – говорю, – а то я сильно торопиться начну, и беда получится…

Шоферюга это дело услышал, лезет из кабины, а с ним драться все одно что с рядовым Драмбой, будь ты Бойцовый Кот, будь ты сам дракон Гугу. У него ряшка шире колесного колпака.

– Обождите, – говорю. – Люди вы или не люди?

Достаю нож, подпрыгиваю, одной рукой цепляюсь за козырек перед входом, другой перерезаю струну и успеваю подхватить удавленного Котенка. Нож ему при этом еще в бок вошел – прости, брат-храбрец, тебе нынче без разницы.

Отнес его на клумбу. Тяжелый он был, как все мертвяки. Но я там, у Корнея, здорово поправился. Наверное, у самого герцогского сыночка на столе такого не бывало, что я там ел… Только к чему это при покойнике вспоминать?

Таскали мы эти ящики, таскали – потом выхожу я на госпитальное крыльцо с лопатой, чтобы бедолагу этого зарыть. Божедомов, поди, теперь днем с огнем не сыщешь.

Земля мягкая. Да сколько я ее, земли этой, за войну перекидал!

Наверное, куча получилась бы выше госпиталя.

Был я уже в этом госпитале. Меня там от дистрофии пользовали, а дистрофия, доложу я вам, это такая штука: пойдешь в сортир, а тебя отдача от струи на стенку швыряет.

Темнеет. Скоро звезды появятся. Солнце земное, поди, тоже выпялится, только мне его не различить среди прочих. Вот наше солнце я с Земли видел, Корней показывал. Звезда как звезда, не подумаешь, что родная…

Эх, звезда моя родная, столица дорогая, Айда-Алай, Сердце Алая… Что же с тобой сделали! В бухте танкеры горят, Холм Павших Ангелов, кажется, до основания снарядами снесли, Брагговка наша лихая, разбойная, тоже в огне, а герцогский дворец… Лучше не видеть сейчас его тому, кто раньше видел…

И, главное, кто все это натворил? Свои и натворили. Да возьми столицу крысоеды – и то, наверное, такого не было бы. Крысоеды здания и барахло берегут по причине жадности своей и лени, и если уж куда войдут, то назад ни за что не выйдут, так и останутся жить. Командир-крысоед скорее роту зря положит, чем хоть одно стеклышко разобьется. Да и чего ему людей жалеть, коли крысоедихи зараз по десятку рожают с преступной целью создать

демографическое давление? Правда-правда, в «Боевом листке» писали. И не щелкопер какой-нибудь, а известный писатель Лягга, тот самый, что эпопею «Алайские зори» создал в священном творческом экстазе, живой останусь – надо будет прочитать, очень, говорят, душевная книжка…

Но недолго мне пришлось мечты мечтать – подкатывает к госпиталю машина, и не просто машина, а спецвегикул службы безопасности. Она вроде бронехода, только маленькая. И даже башенка на крыше вращается.

Понятное дело. Кто-то из госпитальной обслуги во имя идей мира и гуманизма звякнул и доложил, что, мол, живой Бойцовый Кот, кровавый наймит кровавого герцога, прикинулся санитаром, страшась сурового, но справедливого народного гнева.

Вылезают из машины двое. Их у нас яйцерезами зовут – сами понимаете, за эффективные методы следствия. Вот за ними, яйцерезами, никто не охотится, они всякой власти нужны, а если это и не кадровые яйцерезы, а их освобожденные подследственные – так еще хуже. Шинели черные, до каблуков, а вместо военных картузов – зеленые колпаки вроде тех, что инсургенты во время Первого Алайского Восстания носили. Традиции сохраняют, змеиное молоко!

Один похож на соленую рыбу, которую только что из банки вынули, а второй – на рыбу же, и тоже соленую, но в банке оставленную, отчего ей, костлявой, обидно.

– Ступай сюда, котяра, – кличет один. – Поговорить надо.

– Никак нет, господа, – отвечаю. – Прикомандирован к госпиталю, нахожусь в распоряжении боевого лекаря господина Магга…

Тут мой доктор, словно бы услышав, что о нем речь, из госпиталя выходит.

– В чем дело? – спрашивает. Голос у него негромкий, но убедительный. Меня же вот убедил грузовик из грязи выталкивать.

Правда, убедил-то больше шоферюга, но все же…

– Эй, дедуля, – кличет второй яйцерез. – Топай сюда, руки из карманов вытащи…

Змеиное молоко! У моего старичка звание, приравненное к майорскому общевойсковому, а эти, небось, не выше сержанта. Но подходит старичок, и руки из карманов вынул.

– Документы ваши попрошу, – говорит врач. И даже руку протягивает.

– Слышь, документы ему! – обрадовался яйцерез.

А второй моего врача даже не ударил. Он просто снял с него очки, уронил и раздавил сапогом.

Ах ты ж, тварина пучеглазая, думаю. Дедуля мой сто раз под смертью ходил, пока вакцину эту вез, чтобы ты, гаденыш, от поноса не окочурился…

В общем, лопата моя в руках словно напополам порвалась: черенком одному в диафрагму, а штыком – второму в кадык. Только перестарался я маленько – забыл, как поправился на корнеевых харчах.

Снес яйцерезу голову, словно легендарный Голубой Палач предателю-маркизу. Да и первый, надо полагать, не жилец.

Сзади шум какой-то слышу, грохот. Оглядываюсь – змеиное молоко! В спецмашине-то третий был, водила. Он уже, поди, башенку на меня успел развернуть, а в башенке-то крупнокалиберный пулемет-двадцатка, патроны у него величиной с мужской причиндал островного дикаря в боевом состоянии, и когда попадает такая штука в человека, мало хорошего от него остается…

Только не выстрелит уже водила-яйцерез, потому что лежит его спецвегикул на боку, и ствол пулеметный только зря асфальт ковыряет.

А из-за машины выходит любезный мой шоферюга и руки от грязи отряхает. Все-таки недаром в авточасти берут этих ребят с южного побережья, да иначе и нельзя: дороги у нас сами знаете какие, в основном пердячим паром преодолевать приходится…

Подбегает господин военврач: как вы могли, как вы могли, это бесчеловечно… Молчи, дедуля, говорю, потому что водила там, у себя внутри, сейчас по рации со своими связывается, и скоро будет здесь яйцерезов столько, сколько ты в жизни микробов не видел в свой микроскоп. А спецвегикул машина серьезная, прочная, ее не всякая граната возьмет, да и нет у нас никакой гранаты, разве что шоферюга твой разломает яйцерезный экипаж голыми руками, как сват свадебный пирог.

Шоферюга же лучше придумал – заткнул выхлопную трубу ветошью, а яйцерез с перепугу мотора не заглушил и скоренько посинел весь.

– Уходить надо, господин военврач, – говорю. – Наверняка успел он своих вызвать.

Он, конечно, запротестовал – врачебный долг, Присяга Здоровья Нации, но шоферюга рявкнул: «Да что с ним разговаривать, зараз-за!», сгреб своего непосредственного начальника в охапку, побежал к своему грузовику и запихнул старичка в кабину.

Я тоже яйцерезов дожидаться не стал, пристроился третьим с краю, чтобы господин военврач, чего доброго, не выскочил свой долг выполнять. Шоферюга дал по газам, и полетели мы по выщербленному асфальту так, что любо-дорого. Только вот куда лететь-то, думаю, на всех дорогах блок-посты, нас и останавливать никто не будет, а влепят нам бронебойный снаряд в бок, и все дела.

– Рули, – говорю, – в Брагговку. Там сейчас все горит синим пламенем, но подвальчик какой ни на есть мы себе найдем.

Фонари в городе не горят – некогда господам гуманистам такими мелочами заниматься, надо господам гуманистам святую месть творить, пацанов в военной форме отлавливать…

А это у них поставлено на славу: вот уже и сирены завыли со всех концов, вот уже и тревога объявлена. На полном ходу пролетаем площадь Оскорбленной Невинности – там нам вслед кто-то стрелять начал, но несерьезно, из полицейского пистолета. Вот уже и Зеленый Театр, но только не зеленый он теперь, а черный, и тут бегству нашему приходит конец.

– Горючка вышла, – говорит шоферюга. – Как мы до госпиталя-то дотянули – ума не приложу.

– Нужно идти в городской магистрат, – оклемался наш костоправ, – все объяснить, организовать вакцинацию…

– Они вам, господин военврач, организуют, – отвечаю. – Они нас первым делом расстреляют, а вторым делом разбираться начнут, кого расстреляли и за что. Оружие гражданским в руки попало – страшное дело.

– Наверное, вы правы, – приуныл мой дедуля.

Вылезли мы из грузовика и огляделись. До Брагговки еще топать и топать. Развалин, чтобы отсидеться, поблизости нет, потому что и домов никаких здесь не было – парковая зона. Но деревья в основном зимой на растопку пустили, одни пеньки торчат. Яйцерезы надо всем городом осветительные ракеты вывешивают, будто такая уж я важная персона.

Автомат мой самодельный водила еще когда в кусты выкинул. У господина военврача по уставу должен быть личный десятизарядный «фельдмаршал», но, боюсь, кобура у господина военврача набита слабительным да рвотным. Чтобы пациента, значит, с двух концов несло. Шоферюга, значит, будет яйцерезов по одному хватать, а я их таблетками пичкать стану для понижения боевого духа…

И слышу я какой-то шум в конце бывшей аллеи. Только собрался я врача с шоферюгой на землю положить и сам положиться, а уже поздно.

Подлетает к нам длиннющий черный «ураган» – не иначе, в герцогском гараже конфискованный. Сирена не работает, и фары не горят. А я даже лопату свою смертоносную захватить не догадался.

Ладно, думаю, если они сразу стрельбу не откроют, одного-двух я с собой прихватить успею, да и шоферюга дуриком помирать не станет, не та порода…

Конец ознакомительного фрагмента.

Купить: https://tellnovel.com/ru/uspenskiy_mihail/zmeinoe-moloko

Текст предоставлен ООО «ИТ»
Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию: Купить